

КЛЯКСЫ НА МРАМОРЕ

Есть невинная безграмотность школьника, вызванного к доске. Долго ли живет та ошибка? Минуту, может быть, долю минуты — пока следы мета не стерты с морской утробы. И видели эту ошибку только ученики класса и учитель.

Значительно хуже, когда безграмотность выставлена на всеобщее обозрение, когда ей уготоваана долговечная жизнь, когда никто не горит ошибку исправить.

Во многих наших городах проходим молотят глаза незеле, неудобочитаемые или безграмотные объявления, вывески, таблички, уродливые сокращения и словообразования типа «Кроликотипа», «Замороженная кулиня», «Главлыва», «Индлоши», «Ремонт вечных ручек», «Ателье машинописных работ», «Женская консултация имени Моссовета» и другие.

Дети наши учатся читать по вывескам, пораженные волшебной силой букв, умеющих собираться в слова. Вот почему безграмотная вывеска может быть уподоблена ошибке в орфографическом словаре.

Но сегодня речь пойдет не только о словах-уродах, о вывесках, о канцелярском косноязычии их сочинителей. Хочется поговорить о всевозможных названиях, которые нас окружают, а также об отсутствии названий там, где они были бы насущно необходимы.

Как известно, «святое место пусто не бывает». И вот безымянная столовая в Днепропетровске неаппетитно называется «шляковая столовая»; босонюжки на толстой подошве, которые носят весьма миролюбивые советские женщины, называют «танкетками».

Может быть, иные сочтут этот вопрос незначительным и отнесутся к нашим словам со снисходительной усмешкой — им недостает занимательных по добным мелочам. Мы же воздержимся считать мелкими и мелочными вопросы, которые затрагивают интересы трудящихся и уже поэтому ставят под сомнение произвольно установленный для них масштаб.

Наль, что у нас не принято давать названия магазинам. Например, в Праге всем знаком универсальный магазин «Белый лебедь». А вот почему в гастрономическом магазине № 1 в Москве и в Ленинграде прилило название «елисейский»? Да прежде всего потому, что магазины эти никто так и не удостоился назвать заново.

В Москве на улице Горького существовал некогда магазин спортивных товаров общества «Динамо». Сменился хозяин магазина и одновременно исчезло его название. По соседству с «Динамо» находился буфет с рыбными закусками «Фореель». К удовольствию жителей района шумный буфет закрыли, и рыбы в аквариуме вздохнули свободно — отуда выстрелил винный перагар. Но почему-то, едва там перестали распылять спиртные напитки, зачеркнули название. А разве рыбный магазин не может называться «Фореель»?

И уже совсем непростительно, когда мрачные люди из торгующих организаций не находят нужным окрестить детские магазины. Почему они не могут называться «Красная шапочка», «Дядя Степа», «Золотой ключик» или еще как-нибудь? В конце концов эти названия — дело самих детей.

Почему-то рестораны окрещены, а столовые, кафе, пивные то не удостоены. Не правда ли, странно звучит: «Я обедал в столовой № 665 на Пискаревском бульваре»? Режут глаз уродливые названия «закусочная», «блинная», «сосисочная», «пирожковая», «пельменная», «авиальон» и т. д.

Присмотритесь внимательно к вывескам, как они загромажены пустопорожними словами! Зачем, например, полуметровыми буквами начертано слово «магазин»? Ведь и так очевидно, что поскольку здесь чем-то торгуют, — это магазин, а не гараж, не тир и не нотариальная контора. Почему бы, предположим, вместо слов «продуктовый магазин» не поименовать крупно: «продукты», «бакалея» и т. д. Вошло же в обиход лаконичное наименование «Гастроном!» Неуместна и вывеска «97-е городское отделение связи. Министерство связи РСФСР». Не целесообразнее ли крупно, чтобы было видно издали, начертать «Почта», а «Министерство связи РСФСР» убрать с вывесок вовсе. Ей-богу, и так все знают, в чьем ведении находится почта.

СЛЕДУЕТ сказать, — и не стыдливым полупешотом, а во всеулыбящее, — что мы вообще не уделяем названиям того внимания, какого они заслуживают. Это касается не только магазинов, кафе, столовых, но также городов, улиц, театров, кинотеатров, спортивных клубов, автомашин, всевозможных товаров, предметов домашнего обихода.

Кинотеатры в наших городах, как правило, названы броско, выразительно. Радостно было принять недавно в семью московских кинотеатров «Спутник». В то же время в столице находится в обращении совершенно нетерпимые названия «Кинотеатр повторного фильма» и «Зал короткометражного кинофильма». Какими же холодными руками были впервые выведены на бумаге эти длиннометражные, наводящие тоску наименования!

В Москве до сих пор не окрещены как следует все театры, что создает невероятную путаницу, тем более, что иные театры часто меняют сценические площадки и эта «охота к переменам» сильно осложняет положение зрителей. Не всегда отличить Драмматический театр от Театра драмы и комедии. Многие, особенно приезжие, путаются.

ПРЕМИИ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ Совет Министров Эстонской ССР присудил премий Советской Эстонии за выдающиеся труды в области науки, техники, литературы и искусства.

В области литературы и искусства премии удостоены: Ю. Смуул за сборник новелл «Письма из деревни Сьегдате» и Э. Раннет за пьесу «Блудный сын», композитор и руководитель Академического мужского хора Эстонской ССР Г. Эрнесак, солист Государственного академического театра оперы и балета Эстонии Г. Нуусин, художник Э. Онас, главный режиссер Государственного академического театра драмы имени В. Кингисеппа И. Таммур, артисты этого же театра К. Карм, К. Вьяльте.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 25 июля 1959 г. № 92

Евгений ВОРОБЬЕВ

тают театр Станиславского с театром Станиславского и Немировича-Данченко. А разве театр можно и следует называть лишь чьим-либо именем? Отлично окрестили молодые актеры Москвы свой театр «Современник». И скупно, казенно звучит «Учебный театр», открытый недавно в Москве для спектаклей студентов театрального института. Такое название способно лишь гасить, а не возбудить интерес зрителей.

В столице существуют два основных концертных зала: Зал имени Чайковского и Большой зал консерватории имени Чайковского. И вот в вечер, когда идут концерты в обоих залах, несколько десятков слушателей, преимущественно приезжие, ошибаются адресом.

Не все благополучно у нас с наименованием автомашин. Вспомним легковую автомашину «М-1». Ее никак не сочли нужным окрестить, но это не значит, что она осталась безымянной, — все ласково и фамильярно называли ее «Эмочкой». И как хорошо, что в дальнейшем товарищи с Горьковского автозавода дали машинам хорошие, ныне такие популярные названия: «Победа», «Волга», «Чайка»... В прошлом году Чанчунский завод выпустил первый в Китае легковой автомобиль отечественного производства. Он был окрещен «Дунфын», что значит «Ветер с Востока». Чудесное, эмоциональное название!

А вот на Московском автозаводе имени Лихачева никто не затрудился себя поисками названий. Здесь в ходу порядковые номера. Неблагозвучное «311» получает все большее распространение. Существует и «Уралзит!» Конечно, со временем слух наш привыкнет, и подобные звукосокращения уже не так режут ухо, как вначале. Но разве они имеют право на жизнь?

И на Московском заводе малолитражных автомобилей никак не назвали новую модель. Поневолле ее стали называть «Новый москвич», хотя это не «Москвич», а совершенно другой автомобиль.

Ведь получают же у нас достойные названия новые марки телевизоров и радиоприемников, велосипедов и мотороллеров! Как прочно пристало к пылесосу название «Вихрь» или к детскому велосипеду — «Орленок!» Почему же примеру эти предпринят не хотят последовать на московских автозаводах?

Скоро в магазинах поступит новый электрочолодильник, изготовленный на ЗИЛе. Какое же название выбрали для него? Может быть, «Белый медведь»? «Артистка»? «Северный полюс»? Или «Пингвин»? Нет, новый холодильник назван «КХ-240» — будто кто-то похотел прохладить или прохладил это название. «КХ — значит кухонный», — объяснили на заводе. А разве холодильник старого типа предназначался для спальни? Хороши родители, которые лезутся дать имя своему ребенку!

Среди выигрышей первой денежно-вещевой лотереи значилось, ни мало ни много, три «Волги»: 1. Легковой автомобиль. 2. Радиоприемник. 3. Электроническая швейная машина. Вот уж никак не обижены в избытке фантазии наших снабженцев!

Если бы у работников по быту было больше культуры, если бы они думали о покупателе, исчезли бы неценные, незелевые названия, и скажем, крем для лица, изготовленный в какой-то мастерской Всероссийского театрального общества, не назывался бы «Угрин» — будто это специальное средство для выщипывания угреватых актеров, будто перед ВТО стоит сейчас такая животрепещущая и злободневная задача...

Глубоко заблуждаются те торговые работники, которые подменяют броские, звучные названия товаров лозунгами. Вряд ли удачно названы конфеты «Счастливое детство». Полагаю, что названия конфет «Ну-ка отними!» или польских конфет «Птичье молоко» нравятся детям больше. Разве можно признать уместным название пылесоса «Москва», а духов «Красная Москва»? Вряд ли именно в выборе названий для конфет или духов должна находить

свое выражение идейность товарищей, которые эти названия сочинили. Культура и такт насущно необходимы человеку, который берется сочинять эти названия, иначе они могут прозвучать иногда не только скупно, казенно, но и пошло, кощунственно. Назвать шикарный шоколадный набор «Зоя Космодемьянская» — святотатство. А Московская кондитерская фабрика имени Марата выпускает сейчас тахино-ванильную халву «Москва — сердце нашей Родины».

НО ЕСЛИ есть категория граждан, которых, предположим, мало волнует название халвы или пылесоса, то вряд ли кто-нибудь останется равнодушным к названию города или улицы, на которой он живет.

В «Литературной газете» Евг. Доматовский уже затрагивал вопрос о наименовании новорожденных улиц и замене устаревших, неблагозвучных названий или названий-близнецов. К сожалению, названия эти часто даются канцелярскими затворниками, людьми, лишенными всякой фантазии, весьма далекими от романтики, относящимися к порученному делу без должного чувства ответственности перед будущими жителями улиц.

Так, в Магнитогорске на карте города появилась Смоленская улица. Рудопромышленная улица. Газопроводная переулок. По таким улицам где уж тут говорить об ориентации уюта? В Запорожье мне пришлось побывать на Первомайском кладбище. В Ленинграде какой-то душеприказчик Сквозника-Дмухановского трюками трем различным улицам присвоил уродливое имя Новорожденная.

Можно представить себе трудности при доставке корреспонденции жителям улиц-штапов. Чье-то недомыслие или равнодушие оплачивается сотнями заблудившихся писем, телеграмм — дорогая дань!

Чрезвычайно важно окрестить улицу своевременно, когда она еще живет на калке, когда еще вселившаяся резина архитектора, а его карандаш властно распоряжается будущим. Дело не только в том, что наименовать всегда проще, чем затем переименовывать. Родителям улицы небезразлично, как она будет окрещена, потому что ее название порождает образы, задает архитектурные ориентиры. Почему бы не назвать улицу Березка и обсадить ее березами? Или предусмотреть место для памятника герою на улице Гвардейцев?

Большая смелой выдумки, больше поэтического воображения и, я бы сказал, задушевной при подборе названий для улиц! Скупным делегам на таких «крестинах» делать нечего!

Мне доводилось шагать в Гданьске — там в панорама города на равных правах вписываются и готические шпили, и мачты кораблей, стоящих в порту, — по Якорной улице и по улице Морских Волков; в Румынии, в долине реки Жигу, в городке Лупень — там запах угля извечно спорит с запахом цветов — иные улицы именуются весьма лирично. Я шагал по улицам Жаборника, Буревестника, Ласточки. Есть даже улицы Чимпой и Фишера, названные в честь народных инструментов, — не потому ли, что очень часто звучит теперь музыка на улицах шахтерского городка?

От какой России нам осталось в настоящее плачевное — множество неблагозвучных, неестественных, а то и полуприличных названий деревень, сел и поселков. Перелистаем толстый том — перечень почтовых отделений страны. Глиницы, Варцица, Грязная Губа, Большая Гнойница, Безумное, Верхние Пушки, Баланда, Балаганск, Говезна, Блудники, Большая Грязуха, Говеново, Верхне-Погромное, Бляза, Гадово — это стриптиз на первых же страницах.

Но еще огорчительнее, что мы не озабочены оригинальным наименованием поселков, которые появились на карте в годы советской жизни. Много желтоватых, ведомственных и даже незелевых названий. Когда вы едете по шоссе из Москвы в Горький, то вслед за поэтической Кулавиной видите указатель «Аркихин». Минутных людей сразу начинает раздражать — будто здесь специальное поселение маляриков!

Иные города еще не обжились как следует на географической карте, а названия их вызывают серьезное недо-

В САМЫХ КРАСИВЫХ МЕСТАХ

С НАСУЩНЫМ интересом в городах становится заметной тенденция к созданию детских домов. Чтобы отвлечь детей от вредных привычек, кто в другие времена года наполняет жизнью дворы и детские площадки, нужно выехать за город. Куда? В самые красивые места. Там, где стоят нетронутыми леса, струит чистая вода реки, где воздух, как сладкий морс.

Школьники проводят лето в пионерских лагерях. Сколько их, пионерских лагерей, в стране? Трудно назвать точную цифру, потому что с каждым годом число их растет. Одни только профессиональные пионерские лагеря, в которых за лето отдохнут 2 миллиона 100 тысяч ребят! А сколько и школьные лагеря? Кроме того, сотни тысяч ребят участвуют в летних туристских походах.

Детские сады и ясли на лето тоже выносятся за город. В самых живописных местах разбросаны скальные городки-терема, в которых проводят лето маленькие граждане нашей страны.

НА СНИМКЕ: воспитанники детского сада № 587 Московского электродомового завода вышли на прогулку в лес. То-то цветов наберут они сегодня!

Фото Г. Дремова

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ „ХИЩНИЦА“

ФЕЛЬЕТОН «Хищница», опубликованный в нашей газете, вызвал немало число писем. Некоторые из авторов этих писем, а также читатели, посетившие редакцию в связи с фельетоном, поставили вопрос о том, правильно ли, что фельетон написан без конкретного адреса, не является ли он разговором «вообще».

Но на этот вопрос отвечают сами читатели, называя фамилии лиц, чья жизнь очень похороша на жизнь героев «обобщенного» фельетона.

Москвич А. Богатырев пишет, что виновницей семейных бед его и его жены оказалась родная дочь. В. Кузавова из Баку, В. Варавина из Сальска рассказывают трагические истории, вызванные тем же хищническим отношением своих родственников или знакомых к жизни.

А. Г. Зершиков из Ленинграда сообщает, что история с дочерью, подавшей в суд на своих родителей, очень похороша на его личную трагедию с той разницей, что на тов. Зершикова подала в суд супруга его сына, человека, как он пишет, безвольного.

Таких писем немало, как, немало телефонных звонков читателей, увидевших в фельетоне «Мечты на дорогах...», «дела пассажирские».

В ПИНСМАХ читатели, опубликованные под такими заголовками в «Литературной газете» 4 и 11 апреля, говорили о недостатках в обслуживании пассажиров на железной дороге.

Заместитель министра путей сообщения СССР Л. Мальцевский сообщил редакции, что министерством разработаны меры по улучшению перевозок пассажиров.

Летним расписанием предусмотрено курсирование новых поездов в направлениях Крыма, Кавказа, Средней Азии и в районы целинных земель. Только с московских вокзалов отправляется на 20 поездов больше, чем в 1958 году. Это увеличивает ежедневное отправление пассажиров из столицы на 17 тысяч человек.

„ХИЩНИЦА“

«Хищница» знакомых им лиц. В редакцию звонили из различных организаций и спрашивали, кто конкретно имел в виду автор. Мы отвечали, что автор имел в виду обобщенный тип хищницы. С нами соглашались и совершенно конфиденциально сообщали, что жилищем установкой героинь и героев наблюдаю за рядом лиц. Кроме того, нас спрашивали, как с этими лицами быть. Мы советовали поступать так, как будто фамилии их уже напечатаны в фельетоне.

Некоторые читатели обращают внимание на то, что, критикуя самое хищничество, я тем самым каким-то образом защищаю обобщенного академика. Мне кажется, тот, кто внимательно читал фельетон, согласится, что этот упрек не имеет оснований.

Я получил также эмоциональные, насыщенные глубоким содержанием письма читателей И. Иванюк из Одессы. Он защищает от меня героиню фельетона, и было бы несправедливо не опубликовать его письмо. Но по техническим причинам это оказалось совершенно невозможным. Дело в том, что нашим лингвистам еще ни разу не приходилось набирать выражения, употребляемые автором этого письма. Мы оставляем их

на его совести и просим вперед излагать свои мысли скромнее. Читатель М. Куликов из Подольской области защищает героиню, «имеющую на это все законные права, а не какую-то вашу этику». Отсюда мы делаем вывод, что наша этика никак не устраивает читателя Куликова, что, вероятно, и толкнуло его на защиту хищницы.

В день, когда вышла с фельетоном «Литературная газета», редакция получила молодая дама. Она заявила решительный протест против фельетона на том основании, что некоторые факты, использованные в нем, полностью или частично совпадают с эпизодами из ее личной жизни. Дама назвала Н. И. Корниловых. Мы вынуждены были отклонить протест, поскольку в фельетоне не упоминается фамилия визионера.

Мы поблагодарили читателей за проявленную реакцию на выступление газеты. Ну, а как же все-таки с острым полемическим вопросом: обязательны ли в фельетоне точные имена?

Как видите, вопрос этот пока что остается открытым... Л. ЛИХОДЕЕВ

«Мечты на дорогах...», «дела пассажирские»

Сокращается время нахождения поездов в пути, например поезда № 42-41 (Москва — Владивосток) на 7 часов, № 13-14 (Москва — Тюмень) на 4 часа.

Предусмотрены размеры пассажирского вознаграждения должны полностью обеспечить перевозку пассажиров даже в самое напряженное время лета.

Установлен более удобный для пассажиров порядок предварительной продажи билетов. Она производится не за 30, как в 1958 году, а за 47 суток до дня выезда, на курортных направлениях — за 45 суток. Значительно увеличивается продажа билетов «туда» и «обратно» и прямых плацкарт.

Поскольку многие пассажиры едут в один конец, паромом, а возвращаются поездам, разрешена продажа и только обратных билетов. Снизены ставки комиссионных продаж; расширена работа райбюджетных кассиров, оформляющих билеты непосредственно в поездах.

На вокзалах крупных городов ручная кладь принимается на хранение бесплатно на платформах и доставляется в вагоны, на места пассажирских.

Принимаются меры по улучшению справочно-информационной службы, внедрению автоматов для продажи продуктов питания на вокзалах и т. д.

«И вся-то наша жизнь есть борьба...»

Много лет тому назад, еще совсем молодым врачом, Николай Евгеньевич работал на Дружной Горке, на единственном в Союзе тогда заводе, который изготовлял лабораторную посуду. Завод только что поднимался из руин, только-только начинал собирать старых мастеров — удивительнейших искусников. Энергия билта из молодого доктора, ему казалось недостаточным и здравунчик, и хирургия, и вызовы на квартиру. Да и завод по старинке, от «козьяна», не повел еще планомерную работу с производственными травмами, — тогда так именовались свиные отравления. После длительных исканий и трудных опытов Слупский соорудил реператор для защиты во время работы от пара. Крупнейший гигиенист Военно-медицинской академии Хлопин осматривал реператор и неожиданно предложил молодому врачу работу в заводском «студе» и «обратчике» на Дружной Горке. Он не мог оставить, бросить завод. Здесь он проводил исследования рабочих, которые находились у него, измерения температуры, при которой они работают, обследовал сердце, «аммишався», как про него начали поговаривать, не в свою специальность.

— Ты лечи! — советовали ему, — есть у тебя порошки, микстуры, капли, вот и делай, что по твоей науке определено. А здесь мы сами упрямимся.

«Вмешиваться» у Слупского стало жизненным правилом. Так, «аммишавшись», он сделал коллективу большой доклад о том, каким образом обогреть себя от всего ядовитого на производстве. Доклад был точный, умный, полезный. Люди записывали, задавали вопросы, спорили. Председатель завкома на доклад не пришел, не желал участвовать в «неправильном» мероприятии. Его не переубедили. Молодой врач сделал расчет необходимой вентиляции при фортисто-водородном травлении, — новая вентиляция была установлена. Молодая власть вместе с юношей-врачом наконец окончила с «производственными травмами». Первый шаг в жизни был сделан, но не легко далась борьба. Провалившийся председатель завкома пустил слухоскопический шумок у заводского инженера, хотя и «молоко на губах не обсохло», доктора.

На фабрике «Пролетарий», за Новгородом, еще до приезда туда Слупского были наслышаны о нем, что делал «аммишаваться». Вор-завхоз сразу поставил Николая Евгеньевича «на место», заявив для отстрации, что Слупский, главный врач, — «технический директор», а он, завхоз, — «красный директор». На приобретение имущества этот завхоз ассигновал «техническому директору» 8 (восемь) рублей.

Выручили рабочие. Общее собрание постановило...

Животы

КОРОТКИМ характерным вздохом Николай Евгеньевич вдруг говорит: — Ничего! Животы защитят. Я в свои животы до чрезвычайности верю.

— В какие такие животы? — В банные. Да вы не удивляйтесь! Я, знаете ли, люблю, грешный человек, в Сестрорецке в нашем скотчиде в баню. Придешь, моешься и поглядываешь: вот это мой живот — а его оперировал, этот мальчонка — тоже мой животик — ашпендикит, и рука, бывает, моя случится, и нога, и еще чего-либо. Но больше, как говорится, животы. Народ у нас больше разбачий, живем патриархально, как здорово, здоровички, как супруга, вообще обо всем побеседуем. Тут же, на досуге, — благо все наги и босые, яко адамы, — поглядываю человека, шон пощупаю, и попаримся в заключение вместе. Возвращаешься домой, и настроение, как говорится, прекрасное.

— Это «как говорится» — у Слупского вроде присказки. — А от чего же вас надо защищать? — несколько наивно спрашивает я. — В который раз за эти годы мы сидим в маленьком кабинете главного врача сестрорецкой больницы Николая Евгеньевича Слупского, непрядимого героя романа «Дело, которому ты служишь». Разница только в фамилии — в книге Богословский, в жизни Слупский...

Сидим, разговариваем. Операционный день кончился, скоро обед. Дверь в кабинетные полукрыта, как бы объясняя, что доступ к главному врачу совершенно свободен. Изредка входят врачи, сестры, родственники больных, иногда звонит телефон, и Слупский подолгу, терпеливо объясняет свое, медицинское, далекому телефонному собеседнику. Я, не тропясь, копаюсь в папках, где у Слупского беспорядочно собраны старые письма, благодарственные телеграммы, даже стишок. Под стихом подписано совершенно неразборчиво, но рукою Слупского наложена резолюция: «запа двенадцатиперстной кишки». А Николай Евгеньевич возмущается по телефону:

— То есть как это там нету цемента? Мы Гитлера разбили, а тут сто килограммов цемента достать не можем! Вздор, как говорится, слушать противно! Нет, зачем это ему говорить? Вы жалостно просите, для больницы, для страждущих и немощных, он человек добрый, его разберет. Его до слез нужно довести... Мне смешно: я люблю маленькие, веселые хитрости моего героя.

— Что смеется? — сердито спрашивает меня Слупский: — Вы вот посидите на моей должности... В дверь просовывается голова с лихим зубом: — Вызывали, Николай Евгеньевич? Голос чуть нагловатый, но и не без примеси некоторой искренности. — Вызывал. Садысь, Валентин.

Валентину лет двадцать пять. Слупский угрюмо на него смотрит. Похоже, быть разному. Я продолжаю рыться в папке. Еще письмо: «Вы, конечно, всех нас помните не можете, потому что таких, как я, прошли через ваши руки тысячи, вы спасли жизни, руки, ноги и здоровье, но мы, тысячи, вас, нашего спасителя, будем помнить, где бы мы ни находились и какой бы просторностью нас ни отделило от вас...» — Ты, Валентин, как говорится, зарабатывайший полтора Слупского — женке даже апельсинка не принес, хотя в городе их завал и все другие роженицы их получают. Не обидно Анне? Жене тебе дочку родила, постаралась, а ты что? Чем ее порадовал? Написал?

— Так ведь... — Никаких «ведь» у тебя быть не может. Рожала Анна не легло, разрывы у нее были... — Разрывы? — нугаесь Валентин. — А ты думаешь, родить — это пустяки? Отправилась, и чтобы ниче же апельсинки были. Я проверю.

Валентин, пятясь, уходит. Николай Евгеньевич кого-то уговаривает по телефону, и я с величайшим изумлением понимаю, что речь идет о жилищной для того самого Валентина, который только что подвергся жестокому разному.

Посетителей больше нет. Я разбираюсь в операции, которая была сделана Слупским ребенку от роду сорока пяти минут. За время операции дитя пережило две своих жизни и было спасено вот этими огромными руками, покойно отходящими сейчас на столе. Сам Слупский откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Вся его поза выражает полный отдых, в сущности, это почти сон. Но я же верю. Я немножко знаю своего героя и внимательно приглядываюсь, все еще шурша бумагами для конспирации. Приглядываюсь неслучайно. По мере того как на дестинные все гримасы слышны шаги нянечки, несущей поднос с обедами, состояние абсолютного покоя уступает, состояние, которое можно определить только, вспоминая картинку из детской книжки — «тигр подстергает добычу». Прекрасные, огромные руки, сделавшие за свою жизнь столько дела, еще спокойны, но сейчас Слупский опрется на них, поднимется и «перекрест» на мгновение путь обеда для больных. Незнакомое, когда это произойдет, — сию секунду, или значительно позже, или через пять минут. Но это непременно произойдет.

И это происходит. Здесь «главврачу» не приносит «специальную» пробу. Он сам выхватывает тарелку к ходу с фанерного подноса. Здесь для главврача не наливают «погуще», или «пожирнее», или из отдельной, особой кастрюльки. Налили бы, возможно, вот только не придет. И не прошло никогда — ни в военное, ни в мирное время, ни здесь, ни в Чудово, ни на «Пролетарий».

С обедом нянечка, кажется, все благополучно. Еще два вызова в черничночку, короткий визит в третью палату, и Николай Евгеньевич снимает ладок. Рабочий «день» кончился. Но будет еще рабочий «вечер», потому что и вечером непременно Слупский бывает в своей больнице.

Мы слушаемся по лестнице, толкая у прекрасной погоде и о пользе свежего воздуха для людей нашего возраста. У нас масса времени, мой герой мне собирается кое-что рассказать, мы сидим на солнышке на лавочку и спокойной потопьем. Мы свободны до вечера...

Но у примногого покоя происходит задержка. Туда кого-то доставили, и оттуда из-за двери уже доносится до меня рычанье недовольного Слупского. Я жду долго и устаю ждать. Нянечка сообщает мне: — Николай Евгеньевич велели передать, что остаются и сами будут оперировать. Так что...

Она долго ищет подходящие слова и, наконец, находит их: — Так что можете быть свободным. Здесь многие прошли войну. И многие, по примеру Николая Евгеньевича, не забыли простой, ясный и точный язык военной службы... Что ж, вот и посидели на солнышке...

ТРИМУНТАН

новинки

В. ДУДИНЦЕВ

Ко всем очам и родникам нашей общественной жизни приваляет на родная самодеятельность. Любая отрасль знаний, где трудятся специалисты, будь то философия, техника или искусство, окружена армией настоящих «дилетантов». Они шлют рукописи, чертежи, заявления, полезные советы. И в потоке этом нет-нет да и блеснет дерзкий алмаз народной мудрости.

Но то, что не блеснет, — все прочее, вся основная струя, — тоже ведь не пустая порода. Человек, имеющий зренье коммуниста-ленинца, будет острожно разбирать эти письма. В каждой крупинке народной инициативы он увидит часть великой стихии, порожденной Октябрьем (хотя, может ли идти речь о стихии, если она предусмотрена и пробуждена гением человека?).

О маленюгой частице исторического целого, об одном из многих источников людей, составляющих крау в тордость советского общества, рассказывает Петр Сажин в своей новой повести «Трамонтана».

Трамонтана — это сильный ветер, о котором с уважением и опаской говорят азовские рыбаки.

Одного, еще не старого пенсионера Данилыча, живущего в рыбацкой Слободке на берегу Азовского моря, недобрые люди прозвали «Триумфантом». Должно быть, за непоседливость, за то, что этот человек суется во все дела и вмешивается, дает им неожиданный, новый поворот. Ведь трамонтана тоже начинает дуть неожиданно...

Больше всех недоволен деятельностью «Триумфанта» в Слободке председатель рыбацкого колхоза Скоба. Он мечтал «пойти на колхоз либо на поселок, шоб самому хозяйствовать». Ну и пришел. Затеял было большие коммерческие дела, а тут «чертов Триумфант!» Все испортил — написал, что колхоз занимается спекуляцией.

Скоба пытается взраумить Данилычу. Журнал «Знамя», № 5, 6, 1959.

Предлагает ему место кладовщика. Но ведь известно, что трамонтана — ветер прямой. Он не дует куда поало, он делает зигзаги. У него — одно направление, и Скобе его не изменить.

Но трамонтана — это все-таки не человек, а стихия. Это ветер-разрушитель. Он губит пароходы.

Потому раздраженный Скоба и называет Данилычу «Триумфантом», чтобы обмануть нас, прилепить ярлык, скрыть истинные чувства и побуждения советского человека, ставшего у него на пути.

И писатель, который под видом учебного, исследующего флору и фауну моря, путешествует вместе с Данилычем в моторе, постепенно показывает нам душу «Триумфанта», большую душу.

Что всего важнее для человека? Скоба удивляется: ведь все есть у «Триумфанта» — дом, жена и пенсия. Но Данилыча хочет жить, а не доживать свои дни в домашнем клетке.

Как обрадовался Данилыча, когда ему наконец-то предложили настоящую работу! Он мечтает о творчестве, заводит орлам-капитанам, уходящим на пуну, и, как притихший ребенок, слушает сказку ученого о жизни подводных существ и растений.

Верно говорят, что беда — лучший лепщик человеческого характера; этот мастер творит великие драгоценности. Горе обточило и Данилычу. Много он пережил и потерял — потому так быстро отзывается он и на чужую беду. Как кремень, обработанный штурмами, душа его приобрела причудливую, неповторимую форму. Речь идет не о тех овалных гольшах, которые стали похожими друг на друга, стали гладкими, чтобы легче было перекатываться, не замечать высокую волну жизни. Данилыч — другой, особенный. Море в шторм иногда выбросит на берег чудо-камень, словно высеченный скульптором, — и берешь его с собой на память, на всю жизнь...

Несколько поодаль от этой главной фигуры, на втором плане, стоит в повести еще один примечательный человек — капитан Белов. Это тоже человек моря. Он не только призывает богатые улья. На отмени, известной ему

одному, капитан спустил в море несколько бочек моллюсков, служащих кормом для рыб. Он наблюдает за рыбами стадами, привлеченными к новому коимному месту, он ведет «по собственному заданию» научную работу. И взамен ничего не требует для себя. Он видит свое море — большого и доверчивого, но ослабевшего друга, которому надо помочь. И оттого, что так часто его помысли, весь он кажется Данилычу человеком необыкновенным, героем.

Нет в повести отрицательного типа, равного по силе этим двум положительным героям. Но следы его шагов кое-где видны, скрип его ботинок нет-нет да и послышится. С грустью покачивается головой Данилыч, капитан Белов и биолог, установившие болезнь, от которой молча страдает море. Силы рыбага подорвал хищнический лов рыбы молодого, заплясывавший людьми, для которых существует только один подход к жизни — количественный, только одна видимая цель — отчет перед вышестоящей инстанцией. Это люди-сорняки, пусть их в сад, начнут заготавливать и зеленые яблоки, не дав им вырасти. «Давай, давай! План должен быть выполнен! Народ требует! Страна ждет!»

Эти люди прошли и по песку рыбацкой Слободки. Они еще неазеают, «инспектируют». Потому и Скоба пока еще держится в председателех, а капитан Белов, хоть он и авторитетная личность, благодушно помалчивает до времени о своих опытах. Он знает: с такими, как Скоба, ошибок допускать нельзя.

В новой книге Петра Сажина мы встречаемся с интересным художественным приемом. Прием этот можно сравнить с живописью на картоне. Вы, наверно, встречали такие картины: художник использует в них живой неопределенно-серый или бурый цвет картона, но дает ему нужное направление, добавив всего лишь несколько черных точек, очень точных по цвету и форме штрихов. Их достаточно — и наше воображение превращает шершавый картон в небо, в горы или в человеческое тело. Плоскость картона получает вдруг третье измерение, возникает пространство.

В «Трамонтане» таким «картоном» служит для писателя подчеркнутый очерковый фон произведения. Здесь мы находим отступления (иногда на целую страницу!), весь тон которых чисто газетный: «Если в 1893 году было выловлено 88,6 тысячи тонн, то в 1910-м — всего лишь 34,4 тысячи тонн».

И так далее. Но подходить художник и кладет на «картон» несколько сухих штрихов. Вдур на фоне очеркового «пробела» звучит точно схваченная, волнующая интонация южной рыбацкой речи. Морщина тревожной человеческой заботы нет-нет да и прорезает этот фон. Нет-нет да и захохочет от резкого, как морской ветер, порыва любви.

Эта своеобразная манера помогает писателю достичь некоторых свежих художественных эффектов. Правда, часто дыкатель не удерживается на высоте в этой своей своеобразной манере, требующей особой дисциплины и чуткости. Порой он оставляет слишком большие куски очеркового «картона». Это особенно заметно в первой половине повести (в 5-й книге журнала). Автор подчас небрежен в стиле и не работает над словом. Он может сказать: «Из труб валит дымок» — а может ли дымок валить? Он замечает у конны свежей соломы «тощего и черного, как жук, мальчугана» и не замечает, что мальчуган может быть как жук черным, но отнюдь не как жук тощим. Подобных примеров можно привести много.

Такие пробылы производят самое нежелательное для автора действие — они пробуждают читателя, возвращают его из рыбацкой лодки, где он уже нашел себе место около таких близких, родных людей.

и Николай Евгеньевич долго и трудно боролся за ее жизнь, поучительно почему-то приговаривая: «Было бы тебе, мамаша, столько капусты не ест...»

Старуха верила и верит Слупскому по сей день. И капусте, и тому, что у нее не рак, а дурак. Верит простоте Николая Евгеньевича, русской грубоватости, за которой как бы прячется, стыдливо скрывается суть этого невыдуманного человека.

В труднейшие месяцы войны значительное административное лицо из медиков осведомилось у военачра Слупского: «Это правда, будто вы распространяете слухи, что у вас намечаются трудности с марлей?»

— Не намечаются, а просто марли почти нет. И не распространением слухов я занимаюсь, а поисками замены для марли.

— И как же? Удачно?

— Вполне.

— Ничего же и доложите!

Слупский доложил и продемонстрировал. Тогда огромное значение имела имобилизация поврежденных конечностей. Гипсовая повязка невозможна без марли. Бессонными ночами в операционных и перевязочных у Слупского возникала мысль: делать же из соломы портпгары, шляпы, матиче туфли, делать мазины из глины и соломы, а если взять солому и гипс?

Принесли Николаю Евгеньевичу куль соломы, подобрался помощники, сделали пальцы и, натянув ниточки, сплели метровый соломенный лаплет, шириную в двенадцать сантиметров. Солома вымачивалась в горячей воде, затем все сооружение нафаршировывалось гипсовым кашей. Вместо двенадцати слоев марли у Слупского уходило два. Значительное лицо, убедившись в практической пользе предложения Николая Евгеньевича, выразило совершенно удивительную мысль:

— А каким путем вы собираетесь получать марды на солому? У вас есть на это право?

— У нас тут вокруг советские колхозники проживают, — довольно грубо ответил Слупский. — Они мне без марды дадут, потому что эти раненые — их кровь и плоть. Вот, как говорится...

Во вьюющую вологодскую ночь поехал Слупский с солдатами по колхозам. Председательница объясняла, для чего нужна солома. Выдвинули председателицы, но никто в соломе не отказал, тем более что Слупский на ходу кое-кого из больных посмотрел и лечил, а даже пинюкн вскрыл деду-пасечнику. Лангеты стали изготовлять в батальоне легокраненых. Делали эту работу старательно, «как для себя», — выразился пожилой сибиряк. Слупский стал отравлять своих эвакуированных солдат,

Наследники великого почина

«Люди, идущие в ватра» — так озаглавлен сборник очерков и стихов о первых бригадах коммунистического труда, выпущенный издательством «Советская Россия». В него вошли произведения И. Асеева, В. Полевого, В. Газина, Е. Долматовского и многих других авторов. В книгу вошли также художественные произведения и отзывы, представляющие собой первый литературный отклик на это всенародное движение, истоки которого берут начало в первом ленинском субботнике.

Журналисты на войне

Николай Филиппов, автор повести «Ожидание», замечательный журналист, редактор издательства, в годы Отечественной войны работал в армейской и фронтальной печати. Трудной, подчас героической работой во-сского в форме украинского стиха. Изданная Гослитиздатом книга «Стихотворения и я. Валдыга. Поэмы» знакомит нас со своим лучшим, что написано И. Куликом.

Новоселы станут старожилами

Наследники земледельцев, землевладельцев, владельцев и широкой души, бесположные искатели — таковы герои повести М. Ефетова «Ветер и лило» («Молодая гвардия»), посвященной романтическим событиям Великой Отечественной войны. Автор убедительно показывает, как мужают и закаляются люди, приехавшие в Сибирь.

Памятные места Ленинграда

Сады и скверы, улицы и площади города, возвышающегося на Неве два с половиной века назад, — живая летопись славы нашей Родины.

«Лучу, чтоб стих мой жог...»

Почти под каждым стихотворением Ивана Кулика обозначено место, где оно создавалось. Захватывающая повесть о войне в Лысьво — это первый шик, написанный в годы гражданской войны и посвященный галлицким красным бойцам. Индийское селение Каунавага, Монреаль — стихи периода межвоенных лет. Харьков, Ленин, Киев — здесь много и написано поэтом и патристичным работником Иваном Куликом.

Он был человеком неустанного поиска. Пост ин-тернациональ и о я темы и острого классового видения жизни он внес немало новатор-

пучеодитель, а также исследования, раскрывающие роль и значение Петербурга — Ленинграда в творчестве виднейших мастеров русской литературы от Ломоносова и Фонвизина до Горького и Маяковского.

ФАКИР ПОНЕВОЛЕ

Рис. Н. Лисогорского

Спектакли Ленинградского театра музыкальной комедии.

Новая телевизионная постановка. Выставка Н. Рериха.

ТЕАТР ВОДЕВИЛЬ ЕСТЬ ВОДЕВИЛЬ...

Стоит ли заводить разговор о «жабре», о том, что можно и чего нельзя в оперетте, когда на спектакле легко и весело, когда даже неблагодарно обращаются к правде, той правде, от которой светлеет на душе? Ленинградский театр музыкальной комедии поставил водевиль Вл. Масса и Мих. Червинского «Люблю, люблю...» (композитор М. Табачников, режиссер В. Окунов). «Люблю, люблю...» — итак, речь пойдет о любви. Но, право, не трех, если мы от души хотим над безбоязненно излюбленным Сашей Шлындыном, и не беда, что мы сами успеваем в него влюбиться, хоть и положено пороку быть наказанным. Дело в том, что Саша встретил девушку и, согласно законам водевиля, тут же погиб от любви. Но как назвать себя прозаическим «Шлындыном» и как признаться, что в жизни еще ничего не сделано. И вот Саша приснаивает себе имя инженера-конструктора Кудрявцева. Мальчишеское бахвальство мстит за себя, и целых три акта Шлындын не вылезает из бед, терзается муками совести и муками «неразделенной» любви. Есть во всей этой чужь придуманной истории и непридуманное, вдуманное, без чего актерам ни за что не стать бы на сцене такими чужими и симпатичными. Это спектакль о любви, о счастье, о радости нашей жизни, душевного обаяния людей. И играют его, как должно играть водевиль — легко, весело, непринужденно.

«Люблю, люблю...» Сцена из II акта

И в пьесе Е. Гальперин «Мост неизвестен» (музыка Е. Жарковского) все держится на «ценных» недоразумениях. И еб, мне кажется, следовало бы играть с тем же водевильным простодушием, с той же легкой шутливостью. Надо сказать, что остроумное оформление художников В. Кривошеиной и Е. Коваленко близко к курносому амурчику в загсе, прозрачный задник с легкими тенями осенних берез — вот это в жанре водевиля, это смешно и лирично. И в музыке есть этот короткий сплав. А вот в исполнении актеров мало юмора и совсем нет лиризма.

Но почему? Ведь в спектакле занята все та же одаренная молодежь — В. Копылов, П. Банщиков, З. Рогозинкова, В. Лиликин, так обаятельно сыгравший влюбленного Сашу Шлындына. Но здесь они скрывают и начисто теряют ту непринужденность, которая найдена ими же в «Люблю, люблю...». Исключение — Г. Богданова.

Л. ЖУКОВА

КОСНОЯЗЫЧНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Института международных отношений, выпустившее недавно сборник «Судебные ораторы Франции XIX века», задало многим читателям трудную разрешимую загадку. Указав на титульном листе книги, что составитель ее — кандидат юридических наук Е. М. Ворожейкин, а ответственный редактор — доцент М. М. Выдра, издательство, вопреки существующим правилам, почему-то законспектировало фамилии переводчиков. Зачем это сделано?

Такой вопрос содержится во всех письмах, которые поступили в редакцию «Литературной газеты» от читателей, познакоившихся со сборником. Доктор исторических наук С. А. Фейгина, кинодраматург М. Блейман, кандидат юридических наук М. К. Александров-Дольник и юрист Н. Г. Розанов задают этот вопрос не из праздного любопытства. По пятнадцати шестидесяти страницам сборника в изобилии рассыпаны безграмотные выражения, нелепости и нелепые сочетания слов.

Приведем лишь некоторые, наудачу взятые примеры: «Вот, господа присяжные, частная демонстрация, изза угла, которую я хотел вам представить», «... в продолжение семи недель честь офицера французской армии подвергается всевозможным сплетням», «Карета трогается... в предшествии двух гвардейцев», «Они обожают ее какой-то страшной любовью и целуют ее с намерением задуть», «Взять предосторожность проверить точность этой бумаги»...

Кто же эти таинственные анонимы, выдавшие подстрочник за художественный перевод и к тому же запутавшиеся в юридической терминологии, в транскрипции французских названий?

Одного из них нам удалось обнаружить с помощью читателя В. Коношкова из Одессы. Им оказался... присяжный поверенный Алексей Шамаков, издавший в Москве в 1888 году книгу «Судебные ораторы во Франции». Реци Филиппа Дюпена, Лашо, Шэ д'Эст Анжа, переведенные присяжным поверенным, Е. М. Ворожейкин включил без каких-либо изменений в сборник «Судебные ораторы Франции XIX века». Другую часть книги — речи Лабора, Мано и Морнара по делу Альфреда Дрейфуса и Эмиля Золя — он, как рассказал редакция адвоката Московской городской коллегии С. Л. Герзон, настриг по кусочкам из журнала «Судебные драмы» за 1899 год. Лицо этого популярного издания достаточно ясно определяет подзаголовок, обращенный к падею на сенсацию общества: «Замечательные и загадочные процессы всех стран». В своем странном пристрастии к XIX веку составитель сборника удивительно последователен. Даже вкочув в книгу письма Золя, почему-то оказал предпочтение не сестринскому изданию 1953 года изобранных произведений писателя, а изданию, содержащему переводы из собрания 1898 года «Процесс Эмиля Золя».

Нельзя сказать, что редакторская рука доцента М. М. Выдры вовсе не коснулась архаичных текстов, но его работа свелась, по существу, к изытию буквы «ять» и твердого знака в конце слов.

Так недобросовестно составителя и ответственного редактора сборника превратила интересное по замыслу издание в книжный брак, распространяемый 75-тысячным тиражом. Так вместо красочной французских судебных ораторов читатели книги познакомились с заурядным косноязычием.

ли минеральный источник и снабдили не только питьевой минеральной водой палаты прямо по трубам, но и даже ванны. Появилось новое белье, посуда, инвентарь был дан приказ вы одной в больницу (по сезону, разумеется) без цветов на работу не приходите. Молоко давалось всем находящимся на излечения бесплатно, и притом в любых количествах. Для выдвора выходящих забавлялся хорошим откормом свиньи. Все это — по хозяйству и в области хирургии — давалось, конечно, нелегко. Вызвали и писали доносы уличенные и вынуждены заховозы. И цветочки даже в доюсах фигурировали, как «достигнутые путем вымотательства у подчиненных категорий». Но Слупский и Кузов посмеивались. Партийные организации, общественность, население — все им помогали. Слупский делал труднейшие операции, не страшаясь сам и запрещая перестраховываться самим подчиненным. В сущности, в горниле этих лет выковывалось и закалялось то, что стало впоследствии основным правилом поведения жизни врача Слупского: до последней секунды, всеми силами, имеющимися в распоряжении человека, биться за жизнь даже обреченного больного.

— Потому что, как говорится, — сурово проносятся и нынче заслуженный врач Слупский, — у нас, знаете, случаются и чудеса, не предусмотренные никакими инструкциями. Только, разумеется, производство этих чудес всех решительно сил требует от медика, а чаще даже чуть больше, чем всех. Ну, разумеется, и риск. Впрочем, я так гляжу, что если человек совершенно приговорен, то риск и оправдан, и омыслен. Согласны?

— Вот видите, согласны! А если статистику испортишь? Например, мог бы человек благополучно скончаться дома, а он скончался в больнице и вместо графы «выписан» попал в другую, гораздо более печальную графу. Тогда как? Вот тут-то и испорчена статистика, а я как раз и специалист по этой самой «порче»...

Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

На войне, как на войне

Слупского трудно, пожалуй, даже невозможно, представить себе «добрейшим», «жалостливым», «сердобольным». Николай Евгеньевич резок, прям, иногда в пользу больных — грубоват. Я слышал, как сказал он старухе, прибывшей с направлением, в котором было написано, что у нее рак. Старухе какой-то доброхот объяснил латынь, она таяжно рыдала, а Николай Евгеньевич, осмотрев ее, произнес резко:

— У тебя, мамаша, не рак, а дурак. Меня переживешь!

И старуха поверила мгновенно и верит до сих пор, что никакого рака у нее не было. А был...

ТЕЛЕВИДЕНИЕ Пай-мальчики с телеэкрана

Снисходительная усьмешка моего племянника не оставила меня на протяжении всего теле-спектакля «Человек идет вперед». Она словно впечаталась в линзу, закрепленную перед «КНН». А началось все с эпизода в студенческом общежитии, когда племянник вдруг проорчал: «Ну и ну. У нас народ и то поумней будет». У нас — это в седьмом классе; племяннику еще не исполнилось пятнадцати лет. Мне стало как-то не по себе. Ведь это я уговорил его остаться и теперь чувствовал себя ответственным за то, что происходило на экране.

А на экране в течение часа с лишним главный герой прорабатывал себя в монологах и диалогах. Он не желал себе прощанья не только от себя, но и намека на ошибку. Он был беспощаден к себе и зрителю.

Я думаю, что не стоит излагать содержание повести Ивана Ботвинника «Человек идет вперед», хотя бы потому, что автор менее всего виноват в том, что с ней приключилось в телестудии.

Повесть хабаровского писателя приключается своей непосредственностью, свободой, в которой автор не оставляет в стороне ни одного из девятинадцатилетнего сотрудника комсомольской газеты, читающего себя «чужим человеком», относящего к своей «генеральной линии» со всем доступным юности пылкостью и со всей свойственностью ей всею иронией. — Сергей Юшанин. Он, а вроде бы и не он, потому что, наделив Сергея только горячностью и наивностью юности, исполнитель Э. Зорин и постановщик спектакля А. Ремизова утерли его нестоящим юмором, веселую иронию над своими увлечениями и превеличиями, так много объясняющую в нестоящемся характере молодого человека.

Юмористическую интонацию повести они вместе с ищущим прощанием А. Антюхиным заменили возвышенно-наивной иронией. Они

не забыли встали на страже достоинства своего героя. Они заставили его все понять и постигнуть и даже подвести итоги словами, отнюдь не значащимися в повести: «К чорту мое самовлюбленое я».

И столь же образцово-показательными и столь же добродетельно-назидательными предстали перед нами любима Сергей Надя и его друг Ефим. Их добродетельности мог позавидовать Сид, примерный и достойный братец недостойного Тома Софера.

И все время, пока шел спектакль, казалось, что где-то в углу экрана висит какой-то указующий палец, устремленный на телеэкран. И казалось, что кто-то невидимый все время одобряюще повторяет: «Вот так надо вести себя. Только так».

И не потому ли моему пятнадцатилетнему соседу явно не хотелось быть похожим на пай-мальчишку и пай-девочку из новой московской телестановки? Не потому ли на его мальчишеском физиономии набежала ироническая усмешка взрослого человека?

Бор. МЕДВЕДЕВ

НА ВЫСТАВКАХ У полотен Рериха

Неоглядные дали Гималаев, редошещие облака, ночное, призрачное небо — суровый, бездальный мир, и снова — вечные «простоты природы» — предрасветные и затаные, синие, фиолетовые, золотистые горные вершины и цепи.

Это — поздний Рерих, возле картин которого вест-прежнемудолые все стоят и верные поклонники его живописи, познакоившиеся с ней еще прошлой весной в залах Союза художников, и те, кто видит его работы впервые — на нынешней выставке в Третьяковской галерее. Здесь много полотен по размеру полотен, неуступающих крупным вещам, картины раннего Рериха, воскрешающие древнюю Русь. В этом смысле новая выставка богаче и значительнее первой — на Кузнецком мосту. Из частных собраний в Третьяковскую галерею поступили десятки новых полотен художника, и Николай Рерих предстал, наконец, перед нами во всем

блеске своего дарования, как живописец смелый, самостоятельный, замечательный декоратор, художник, в образном мире которого соединились безудержная фантазия и строгая философская мысль. Пылкий ум ученого, неутомимая страсть путешественника воплотились в его полотнах, столь близких между собой по теме и каждый раз столь разнообразных по художественному решению.

Рерихе по-прежнему спорят. Одним кажется интереснее древняя Русь, сказочная старина, оживающая на полотнах раннего Рериха, образы былинные, исторические, замечательные эскизы театральных декораций, другим — гималайские и индийские пейзажи. Рерихом восстаются Рериха не принимают... Но равнодушных на выставке нет. И, прислушиваясь к спорам зрителей, открывая Рериха, начинаешь год назад, продолжается.

М. АНДРОНИКОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 92 25 июля 1959 г. 3

Ветеран американской поэзии

В Токио подготовлен новый вариант американско-японского «договора безопасности». Он еще больше увеличивает военную зависимость Японии от США... создает условия для ее широкого вооружения. Антинациональная политика правительства Киси вызывает решительные протесты всех тех, кому дорого дело мира. По призыву Генерального совета профсоюзов Японии, социалистической и коммунистической партий по всей стране происходят забастовки, митинги и демонстрации протеста.

На снимке — демонстрация трудящихся Токио у японского парламента. Участники демонстрации несут транспаранты, на которых начертано требование японского народа: «Долой договор безопасности!».

Снимок агентства Джипан Пресс

МИФ О «КЛАССОВОМ МИРЕ»

У НАС В АМЕРИКЕ существует меткое выражение: «большая сталь». Стоит произнести его — и в воображении возникает черная империя вытнувшихся на много километров заводов. Эта империя раскинулась от Питтсбурга на востоке до Гейри на западе и озера Эри на севере — громадный треугольник, где ныне базируется полимиллионная рабочая сталелитейная промышленность. Более 300 тысяч рабочих, занятых в смежных отраслях промышленности, остались без работы.

Слова «большая сталь» рождают также представление о каменных лицах директоров двенадцати ведущих сталейных корпораций, возмнивших себя такими пиратствующими капитанами, повластвовавшими распоряжаться судьбами нашей страны. Впрочем, в этом они не так уж далеки от истины. Сталя, приводящая в движение стальные колеса нашей индустрии, вращает миллиарды и миллиарды долларов. Эти директора являются заправками фактически во всех ведущих отраслях промышленности, и, уж само собой разумеется, они — наиболее крупные фигуры в американских банках. Из всего этого следует, что они обладают самым весомым голосом в правительственных сферах. Они представляют собой мозг — железный мозг капитализма. И вот эти жестокие, беспощадные люди приняли решение: профсоюз сталелитейщиков необходимо расколоть и расколоть не в будущем году, а сейчас же. Начавшаяся забастовка — это вызов, который они бросили профсоюзу. Да, да, именно так. Ибо «большая сталь», заносчивая в своем могуществе, ждала этой забастовки, делала все, чтобы вызвать ее, радовалась ей, как радуется поджигатель устроенному им пожару.

Нет, этих заносчивых магнатов ведущей отрасли нашей промышленности не упрекнуть в отсутствии сообразительности. Еще бы! Ведь им принадлежат, душой и телом, самые высокооплачиваемые советники. Они сочинили и усиленно распространяли страшную версию о том, что увеличение зарплат, на котором настаивают рабочие, будет вызвать в стране инфляцию, что покупательная способность доллара катастрофически упадет и каждый рабочий-сталелитейщик...

При этом «большая сталь», конечно, ставило целью и такое неудобное для пропаганды факт, как рост прибылей промышленников до небывалой высоты. А ведь это кое-что да значит, но говорил он сейчас не с солдатами, а с рабочими, с которыми он иначе говорить не умел.

— Я вас лечу, — продолжал он, — я к вам по всем вашим вызовам прихожу. Безотказно. И я... Тут он лукаво помолчал, немцы слушали внимательно, даже испуганно: — И я... приходит буду, но и вы мне помогите. А насчет усталости, то и я тоже, знаете ли, устаю не меньше вашего, так ведь?

Русский врач ушел, немцы стали выбирать самых лучших, наиболее квалифицированных специалистов. Эти специалисты провели водопровод, поставили цоколь, ограду. И, уезжая на родину, каждый из них почтительно поклонился русскому доктору... Так для Николая Евгеньевича кончилась война.

Вот наша больница, — сказал Николай Евгеньевич. — В ней много попаданцев. Вы стреляли из ваших чертовых пушек по нашей больнице. Теперь мне моих больничек некуда. Вот, как говорится, у вас в лагере есть больница, а у нас нет. Вы, братцы, должны помочь...

В книгах Сэндберга, восьмидесятилетнего американского поэта, остающегося сейчас в Москве, — дым и сталь, туманы и грозы, размышления о судьбах своей страны и ее народа в дни мира и войн и обрывки мимолетных настроений. Сэндберга — певец рабочего люда и его тяжелого труда и автор точнейших миниатюр — из таких противоречий складывается все его творчество, весь его жизненный облик.

Бывает, что человек, еще недавно, в разгаре сражения, призывающий вперед мощным боевым кличем, вечером того же дня сидит у костра и напевает тихую песенку или рассказывает товарищам сказку.

Боевой клич Сэндберга перенял у могучего Уитмена, тихую песенку, напевая ему тишею из американских поэтов XIX века — Эмили Диккинсон.

Трудно быть сном великого отца, но Сэндберга не выронила из рук знаменитый Уитмена и передал его внукам. Фантазер и мечтатель, тонкий, а временами и приторный лирик, Сэндберга выступает за участие Америки в «справедливой войне». Уже давно, с первых шагов, Сэндберга признает и необходимость борьбы трудящихся за свои права и выступает в защиту борцов за все новое. Наконец, в нем никогда не угасает поэтическая мечта, и он неустойчиво срывает с себя шапку, представляется лучшим людям человечества.

Он всегда был со своим народом, — и плечом к плечу в труде и борьбе, и лицом к лицу как поэт и исполнитель народного творчества.

Уитмен назвал одно из своих стихотворений «Слышу, поэт Америка». Когда читаешь или слушаешь Сэндберга, то кажется, что тоже слушаешь, как поет его Америка.

Иван КАШКИН

НАРОД БУДЕТ ЖИТЬ
Народ будет жить.
Он будет еще не раз обманут и предан
И снова вернется к земле-кормилице для опоры.
Народ ищет новое, и старому порой возвращается.
Не смеетесь над тем, что он так поспулет.
Как мамонт, он отдыхает в затихших
среди ураганов,
Народ часто бредет загадочной, сонной,
усталой огромной толпой,
Из которой слышны голоса:
Я зарабатываю на жизнь.
Кое-как свожу концы с концами,
На это уходит все мое время.
Если б у меня было больше досуга,
Я делал бы больше для себя
И, может быть, для других.
Я мог бы читать и учиться,
И рассуждать о многом,
Но для этого нужен досуг.
Побольше б свободного времени...
Народ знает горечь моря
И мощь ветров,
Со всех сторон бичующих землю.
Народ считает землю
Могилью покоя, колыбелью надежд.
Люди шагают вперед в ритме созвездий

По законам вселенной...
Небо в блеске спалепитином.
Белое пламя пышет и бьет
По сумраку пучечного металла.
Время победы настало.
Победит человек — народ.
Эта древняя наковальня много молотов
сокрушила.
Но есть неподкупные люди.
В огне закаленные огня не боится.
Звезды беснуны.
Нельзя остановить бурный ветер.
Время — лучший учитель.
Кто может жить, не надеясь!
Во мраке с большим грузом скорби
народ шагает вперед.
Ночью под россыпью звезд народ
шагает вперед:
«Куда! Что ж дальше!»
Перевел Мих. ЗЕНКЕВИЧ

ДЖЭНЕТ
Есть голубая звезда, Джэнет,
Пятидесят лет лететь на нее,
Пролетая по сто миль в час.
Есть белая звезда, Джэнет,
Сорок лет лететь до нее,
Пролетая по сто миль в час.
Куда же мы полетим!
Или на белую звезду!

ПОТОМАК В ФЕВРАЛЕ
Мост говорит: пройди ко мне, ученик,
как я бреду.
Большая скала в реке говорит:
посмотри на меня,
учись стоять крепко.
Пениющаяся вода говорит: я такую,
струясь, обтекаю,
я стремлюсь все вперед.
Низкорослая ползущая сосна говорит:
я в все тут,
хотя меня чуть не смыло прошлой
весною.
Тонкий месяц скользит по свежему
ветру, приговаривая: а я знаю,
погодите, вот завтра, завтра я вам
все расскажу.

ПРИБОЙ
Прибой без усталости бьет.
Прибой твердит, твердит
Только старые песни!
И это все, что он знает!
Только старые, стойкие песни!
И это все!
Прибой без усталости бьет.
Твердит, твердит.
Перевел И. КАШКИН

Мнемножко рассуждений
Телера в больнице 200 коек.
По-прежнему оперирует Николай Евгеньевич — заслуженный врач республиканки.
— Пожалуй, даже побольше теперь в Слускомском единстве, побольше задрисности, чем тогда, когда он был молод. Также естественно: двадцать с лишним тысяч операций — не шутка. Есть опыт, на который можно опереться, есть наблюдения, мысли, полностью сложился характер практического врача, отличного хирурга.
Есть то прошлое, которое дает право «ломать», «срушивать», «портить» некоторые, «ломать» на благо тем людям, с которыми бок о бок прошла вся жизнь Слуского, с которыми он работал, у которых учился и которых учил, с которыми рядом воевал, которых он знает и поистине глубоко и сильно любит...
О чем же пойдет речь?
О весьма простом предмете: о том, что в отделе Слуского, в хирургическом, смертность выше, чем во многих других хирургических отделениях больницы. Выглядит — неприятно. А по сути дела именно в этом разделе своей деятельности Николай Евгеньевич и дод мой лично, как подлинный герой книги, над которой я работаю.

Недавно к Слускому привезли тяжелобольную женщину. От этой больной отказались решительно все лечебные учреждения Ленинграда. И, вопреки указаниям вышестоящих отделов здравоохранения, Слуский больницу полагил к себе. Он положил ее, почти поверившая, зная, что исход будет трагическим, положил, искупая вину проглядевших тяжелейшую бо-

лезнь, положил, убежденный, что еще раз «испортит» статистику, ну, а вдруг? А вдруг случится то, что не раз происходило в жизни Слуского когда клал он на операционный стол больного, допустим, с диагнозом — саркома, а оказывалась вовсе не саркомой? Или не оперировал он, Слуский, людей по поводу рака в третьей и четвертой стадиях, которых «не рекомендовано» оперировать? Оперировал, и с удивительным отдаленным результатом. Но ведь он человек, и слова его о чудесах — слова человека, сильно и страстно преданного своему делу, не перестраховщика, но война в борьбе со смертью.
Большая, о которой идет речь, погубила. Близкие родственники ее и по сей день говорят о Слуском как об удивительном враче, который до последнего мгновения сражался со смертью всеми доступными для человеческого разума средствами. Но статистика «испорчена». Еще один смертный случай. И Сестрорецкий райздрав возмущен. Он вообще возмущен деятельностью Николая Евгеньевича настолько, что ни разу не сказал ему нормально, человеческое «спасибо», даже не поздравил, когда правительство наградило Николая Евгеньевича орденом Трудового Красного Знамени. Поздравил, обрадовался за своего доктора многие и в Алма-Ате, и в Архангельске, и в Тбилиси, и в Ташкенте, а райздрав Сестрорецка, того города, где нет человека, не знакомого Слуского, промолчал, поджав губы.
Промолчал потому, что сердится райздрав на Слуского.
— Почему принят больной колхозник, проживающий не в данном районе? Почему главный врач отдал распоряжение уложить человека в стационар, минуя руководство райздравом? Почему нет направления? Где соответствующая резолюция?
У Николая Евгеньевича не хватало слов. Это понятно. Человек приехал в гости к родным в Сестрорецке, тяжело заболел. Слуский немедленно положил его к себе в больницу. Положил трудящегося колхозника. Каким образом? Возвращаясь? Или все-таки он находится в Слускомском боткинском стационаре, приказавшим, чепухой, бюрократией. До самолета именно к нему, к Слускому, доставлен больной. Больного вывели, поставили на ноги. Больной написал благодарственное письмо. И олять: почему из Ташкента? Ташкент не наш! Мы не обязаны! Это не наше дело! Наше дело — это...
Скряпичие, увылые слова...
Я гляжу на Николая Евгеньевича.
И слышу его глуховатый, невеселый голос: — Ничего! Мы гражданскую выдюжили, мы

ФЕСТИВАЛЬ ДРУЖБЫ

3 АВГУСТА, 26 июля, — знаменательный день для молодежи всего мира. В 17 часов 30 минут на Центральном Венском стадионе в торжественной обстановке открывается VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Семьдесят тысяч юношей и девушек из более чем 120 стран соберутся в этом старинном городе. Молодежь собирается в нейтральной Австрии, чтобы сказать о мире, о дружбе.

В Вену направили своих представителей более 1200 организаций и объединений самых различных политических и идеологических направлений. В адрес фестиваля обратились с приветственными посланиями многие видные общественные деятели. Австрийский федеральный канцлер Юлиус Рааб направил в Постоянный комитет фестиваля письмо, «чтобы таким путем пожелать Всемирному фестивалю молодежи и студентов большого и прекрасного успеха».

И нем явнее выражается огромная популярность этой международной встречи молодежи, тем острее ведут против фестиваля деятельность враги единства молодежи.

Но молодежь уже приехала...

Получит ли Джонни премию, или утка... 27-летней свежести

Рим. Газеты сообщают о «крупных столкновениях», происшедших между полицией и шахтерами в Чехословацкой Республике. Близкая к правительственному кругу газета «Мессаджеро» пишет, что убито двое горняков.

Блеск сенсации меркнет... Прага. Рейтер. Чехословацкое Телеграфное Агентство выстуило с опровержением сообщения, согласно которому полиция в Брезне будто бы обстреляла толпу рабочих, протестовавших против отправки на принудительные работы. «Так называемых принудительных работ в Чехословацкой Республике не существует, и никаких эксцессов не было», — пишет Чехословацкое Телеграфное Агентство.

Сенсация рассеивается, как дым! Прага. «Руде право». Американскому журналисту, очевидно, попался на глаза воскресный номер газеты «Праге», в котором были опубликованы воспоминания о расстреле рабочих в Горегрону в период диктаторской буржуазной республики. Это было как раз 27 лет назад, когда полицейские расстреляли рабочего Яна Хлаповица, — сказал фрезеровщик Войтех Гудец...

— Старый черт, — ворчал Джонни, — попробовал бы он влезть в мою шкуру!
Нервно перебирая папку вырезок из сообщений других прес-агентов, он быстро читал: Лондон. Начало апреля (Рейтер). «В Венгрии производят слышком мало оливок. Наблюдается рост недовольства среди бирозурных». Лондон. «Дейли мей». 1—14 апреля. «Румынские женщины и дети — жертвы красного террора в долине Валеа». Бонн. Журнал «Морген». Апрель. «В Венгрии национализированы 10 тысяч музыкантов». Еще и еще «новости»...
— Ага, наконец! Ну что слышно нового? — хмуро встретил Джонни своего «чешского информатора», вежавшего в это время в комнату.

— Может, найдется что-нибудь в чешских или словацких газетах, господин главный редактор, — робко пролепетал «информатор», доставая из кармана папку газет.
— Ну, ну, давайте, что у вас там? — Вот здесь пишут, что... неприятно во Фрэнштате продано несколько тонн сверхнормативных запасов жести для покрытия крыш... А вот здесь... застряли с сенсацией... И еще: отличнейший работник Штефанек часто называется пьяным и прогуливает...
— Хватит, хватит, — прервал его Джонни, — несете чепуху! По-вашему, все это свидетельство разложения и коррупции за железным занавесом? Мелкие делишки: сено, выпивка... Давайте сюда газеты, я сам выберу. Что написано, например, вот здесь?

— Здесь написано, что в Брезне полицейские застрелили двух рабочих! — Так им и надо... Нет, постой, постой, что такое? Но ведь это же очевидно, идите, что же вы молчите? Где это произошло? Кто об этом пишет? Орган словацких профсоюзов «Праце»? Отлично! Переводите немедленно.

— Но, господин главный редактор, это ведь старая история... — Заткнитесь, ничего слышать не желаю... Было это или нет? Было! О-кей! В Словакии! О-кей! Открыли огонь и уложили людей? О-кей! Что же вы разводите волынку? Немедленно переведите.

— Пусть подчас агент вручил Джонни перевод, за который тут же получил... 10 долларов, Джонни быстро отправил, передавая «сенсацию» по телеграфу. Потом вызвал к телефону фрейлейн Миши и пригласил ее на шикарный ужин — кто-то, а он-то уж знал: за такой «материал» будет блестящее вознаграждение.

А теперь, любезный читатель, беритесь к началу нашего рассказа... Карел МАРЕК, чехословацкий журналист ПРАГА

Русский Доктор

а живота нет совершенств. Сле до в а тельно, все переканчивает с я наверх. Обнаружил Слуский и маленький рубец сзади. А насчет усталости, то и я тоже, знаете ли, устаю не меньше вашего, так ведь?

Русский врач ушел, немцы стали выбирать самых лучших, наиболее квалифицированных специалистов. Эти специалисты провели водопровод, поставили цоколь, ограду. И, уезжая на родину, каждый из них почтительно поклонился русскому доктору... Так для Николая Евгеньевича кончилась война.

Телера в больнице 200 коек. По-прежнему оперирует Николай Евгеньевич — заслуженный врач республиканки.

— Пожалуй, даже побольше теперь в Слускомском единстве, побольше задрисности, чем тогда, когда он был молод. Также естественно: двадцать с лишним тысяч операций — не шутка. Есть опыт, на который можно опереться, есть наблюдения, мысли, полностью сложился характер практического врача, отличного хирурга.

Есть то прошлое, которое дает право «ломать», «срушивать», «портить» некоторые, «ломать» на благо тем людям, с которыми бок о бок прошла вся жизнь Слуского, с которыми он работал, у которых учился и которых учил, с которыми рядом воевал, которых он знает и поистине глубоко и сильно любит...
О чем же пойдет речь?
О весьма простом предмете: о том, что в отделе Слуского, в хирургическом, смертность выше, чем во многих других хирургических отделениях больницы. Выглядит — неприятно. А по сути дела именно в этом разделе своей деятельности Николай Евгеньевич и дод мой лично, как подлинный герой книги, над которой я работаю.

Недавно к Слускому привезли тяжелобольную женщину. От этой больной отказались решительно все лечебные учреждения Ленинграда. И, вопреки указаниям вышестоящих отделов здравоохранения, Слуский больницу полагил к себе. Он положил ее, почти поверившая, зная, что исход будет трагическим, положил, искупая вину проглядевших тяжелейшую бо-

Слово «братцы» вырвалось у Слуского не